

Олег Федорович Акимушкин

(17.02.1929 — 31.10.2010)

Конец 2010 г. выдался очень тяжелым для мировой иранистики в целом, а для российской и петербургской в частности. Один за другим в Санкт-Петербурге ушли из жизни трое замечательных людей, оставивших глубокий след не только в науке, но и в памяти своих коллег, учеников, родных и близких. Одним из них был Олег Федорович Акимушкин...

О.Ф. Акимушкин родился в г. Пенза 17 февраля 1929 г. В 1930 г. его родители, мать — Михайлова Ольга Ивановна (1905–1979) и отец — Акимушкин Федор Семенович (1900–1977), переехали в Ленинград. Отец поступил в Политехнический институт и впоследствии стал ведущим специалистом в стране в области котлотурбиностроения. Мать долгие годы проработала на киностудии «Ленфильм» на разных административных должностях.

Великую Отечественную войну встретил в городе. Эвакуироваться семья просто не успела из-за начавшейся блокады Ленинграда. Летом 1942 и 1943 гг. он, как и большинство школьников, участвовал в разного рода общественных работах и в ноябре 1943 г. был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

В 1948 г. началась студенческая жизнь Олега Акимушкина. Он поступил на первый курс иранского отделения Восточного факультета ЛГУ. Трудно сказать, чем можно было объяснить такое решение. Но в 1947–1948 гг. многие тогдашние мальчишки хотели стать дипломатами. В те годы на уроках истории в школе очень много говорилось о дипломатии и ее роли в истории. По-видимому, это и повлияло на выбор О. Акимушкина. В 1953 г. он окончил университет, получив диплом «с отличием» (так называемый «красный диплом»). Его дипломная работа была посвящена вопросам литературы Ирана XIX в. Ученым советом факультета он был рекомендован в аспирантуру Института востоковедения. Но в 1953 г. в аспирантуру Института был огромный конкурс, проходивший в Москве, который О.Ф. Акимушкин не прошел, несмотря на успешно сданные экзамены.

Однако в декабре 1953 г. ему предложили место лаборанта в Секторе восточных рукописей Института востоковедения. Сама судьба распорядилась так, что эта вакансия определила вектор его дальнейшей научной работы, связав его с восточными рукописями, всестороннему изучению которых он отдал все свои годы работы в Институте. Уже через полгода он был привлечен к участию в крупном коллективном проекте, касавшемся сбора материала из восточных источников по истории киргизов и Киргизии. Для него этот проект был непосредственно связан с комментированным переводом извлечений по теме проекта из персидских хроник XV в., хранящихся в рукописной коллекции Института (полностью прочитано 9 хроник, из них отобрано к переводу 5). В этот же период он впервые приступил к переводу хроники по истории Кашгарии *Тарих-и Махмуд Чурас*, которая спустя годы легла в основу его кандидатской диссертации.

Но подлинной школой для молодого ученого стало участие в следующем коллективном проекте, охватывавшем всю ираноязычную рукописную коллекцию Института. Университетское образование не давало подготовки для работы над средневеко-

выми рукописями, поэтому ему все пришлось начинать буквально с нуля! Основной задачей проекта поначалу было составление аннотированного списка, который уже затем трансформировался в краткий каталог персидских и таджикских рукописей («Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР. Краткий алфавитный каталог». Под ред. Н.Д. Миклухо-Маклая. Ч. 1–2. Москва: Наука, 1964. Репринт: N. Y.: N. Ross Publishers, 1998. Vol. I–II). Реализация этого проекта вместе с составлением указателей заняла у авторского коллектива почти пять лет (1957–1962). Конечно, практическая работа в научном коллективе дала возможность О. Акимушкину впитать опыт своих старших и маститых коллег. Прежде всего это касается О.И. Смирновой (1910–1982) — в области персидской текстологии и перевода, И.П. Петрушевского (1898–1977) и Н.Д. Миклухо-Маклая (1915–1975) — в области палеографии и манускриптологии. Однако выбранный с самого начала правильный алгоритм в работе обеспечил ему приобретение собственного, а потому более ценного опыта и навыков. Он сразу занялся библиографией и методично продолжал заниматься ею всю жизнь, составляя не только личные картотеки опубликованных работ разных авторов, но и учитывая многие интересные с разных точек зрения рукописи в мировых собраниях (имена каллиграфов, места и даты переписки, заметки владельцев, приписки о стоимости рукописей и т.д.). Эти картотеки очень помогли ему в дальнейшем. О.Ф. Акимушкиным было подготовлено более одной трети каталога и указателей. Затем свыше восьми месяцев у него ушло на несколько редакторских корректур всего каталога и включенного в него Дополнения.

Наряду с работой над каталогом О.Ф. Акимушкин занимался описанием рукописей сборников стихов и альбомов с миниатюрами, писал статьи и рецензии, выполнял обязанности ученого секретаря Иранского кабинета и ученого секретаря Института по международным научным связям, а также в составе правительственной делегации вместе с В.В. Кушевым (1927–2001), в будущем ученым-афганистом мирового уровня, успел более полугодом проработать в Афганистане (сентябрь 1960 — апрель 1961), следуя обычной практике тех времен, когда молодые ученые по различным контрактам и от разных организаций выезжали в качестве переводчиков на работу в страны изучаемого языка для обретения навыков языкового общения. Для молодых переводчиков эта была очень тяжелая и ответственная поездка с представителями ряда министерств СССР, которые обследовали материальные ресурсы Афганистана, занимаясь планированием экономики этой страны. Переводить надо было сразу, на слух, а именно такой разговорной практики в университетском курсе обучения было чрезвычайно мало. Оба успешно справились с этой задачей. Потом были и другие поездки уже в Иран, как в качестве переводчика, так и с научными целями для изучения рукописей в различных собраниях. Но, по словам самого О.Ф. Акимушкина, это были «цветочки» по сравнению с тяжестью работы в Афганистане.

При таком огромном объеме просмотренных и каталогизированных рукописей, когда каждая из них досконально изучалась со всех сторон, неудивительно, что специализация по персидской рукописной книге и всему, что с ней связано, начиная от переплета и бумаги и заканчивая каллиграфией и изящными миниатюрами, стала одной из первых, с которой началось формирование в дальнейшем непревзойденного специалиста в стране и авторитетного эксперта за ее пределами. Помимо статей, посвященных средневековым персидским миниатюрам, каллиграфам и переплетчикам, библиотекам, структуре книжных мастерских-скрипториев и т.д., из коллективных работ того времени, в которых О. Акимушкин участвовал как уже сформировавшийся профессионал, стоит отметить:

«Альбом индийской и персидской миниатюры и каллиграфии XVI–XVIII вв.», совместно с Т.В. Грек, Л.Т. Гюзальяном, А.А. Ивановым (М.: ГРВЛ, 1962).

«Персидская миниатюра XIV–XVII вв. в ленинградских собраниях», совместно с А.А. Ивановым (М.: Наука, 1968).

А также большой раздел в изданном позже труде «Персидская рукописная книга» (который был подготовлен в рамках одноименного коллективного проекта «Рукописная книга в культуре народов Востока»), где отражен весь опыт, накопленный им в ходе изучения и исследования рукописей (М.: Наука, 1987. С. 330–406).

Именно исследование персидских рукописей, включая их содержательную часть, стало тем фундаментом, на котором происходило становление О.Ф. Акимушкина как крупного специалиста в области истории, истории культуры и литературы Ирана, Центральной Азии, Восточного Туркестана. С 1966 г. на Восточном факультете ЛГУ О.Ф. Акимушкин начал читать курсы лекций: «Мусульманская палеография», «История персидской рукописной книги», «История Тимуридов» и вести спецсеминар «Источники эпохи Тимура».

В 1970 г. О.Ф. Акимушкин успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме, над которой начал работать еще в конце 50-х годов и по которой спустя шесть лет после защиты им была опубликована монография — Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чурас. «Хроника» / Критический текст, перевод с перс., комментарии, исследование и указатели О.Ф. Акимушкина (М.: Наука, 1976), — впоследствии переведенная на английский и уйгурский языки, а совсем недавно переизданная (СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010). Не лишним будет сказать, что оба оппонента на защите диссертации отметили, что она заслуживает присуждения докторской, а не кандидатской степени, настолько тщательно она была выполнена (и это при отсутствии научного руководителя).

В связи с повышением интереса в обществе к проблемам ислама в конце 1980-х годов в Институте была создана межсекторальная группа по исламоведению, куда вошел и О.Ф. Акимушкин. Ее усилиями был подготовлен и издан первый в стране энциклопедический словарь-справочник «Ислам» (М.: ГРВЛ, 1991), в котором ему принадлежит несколько десятков статей по иранскому суфизму. В них отражена история, теория и практика суфийских братств, функционировавших на территории Ирана, Турции, Центральной Азии, Афганистана и Индии. Позднее этой же группой под руководством С.М. Прозорова был инициирован международный проект «Ислам на территории бывшей Российской империи», в котором О.Ф. Акимушкин также принял активное участие и результатом которого стало издание одноименного словаря (М.: Восточная литература, 2006. Т. 1). В последние годы благодаря широкому и активному участию О.Ф. Акимушкина в подготовке и сопровождении выставок образцов каллиграфии и миниатюры рукописного собрания, имевших колоссальный успех в странах Европы и в США, еще более возрос авторитет Института в качестве мирового центра востоковедения, хранилища сокровищ духовной и материальной культуры народов Востока.

За годы работы в Институте О.Ф. Акимушкин опубликовал свыше двухсот семидесяти научных работ, в том числе шесть монографий, редактировал ряд востоковедных исследований, входил в состав редколлегии научных журналов и книжных серий в СССР, России и за рубежом. Выступая в качестве ответственного или научного редактора в какой-либо монографии, он неизменно проявлял характерную для него деликатность, вмешиваясь в авторский текст лишь по фактическим вопросам там, где текст того требовал, и всегда оставляя за автором право выбора стиля изложения и интерпретации материала. Последний, но далеко не полный перечень его работ опубли-

ликован в книге «Средневековый Иран: Культура. История. Филология» (СПб.: Наука, 2004), которая представляет собой сборник ранее изданных статей. Они были подобраны им самим и с годами не утратили научной ценности, так как по большей части основывались на глубокой проработке рукописного материала.

В течение последних десятилетий О.Ф. Акимушкин читал на Восточном факультете СПбГУ курс оригинальных лекций по исламскому мистицизму. Для университетов страны это был вообще первый опыт такого рода лекций, который и сейчас немногие в состоянии качественно повторить. Одновременно он преподавал персидский язык, занимался со студентами нескольких кафедр, готовил в Институте аспирантов, успешно защищавших диссертации. Ряд его бывших аспирантов ныне плодотворно работают в научных учреждениях Санкт-Петербурга, Москвы, республиках Средней Азии и Закавказья.

Более тридцати лет он заведовал Сектором Среднего Востока, а также возглавлял Группу курдоведения. При этом следует особо подчеркнуть его чуткое отношение к молодым сотрудникам Сектора, которые могут по праву называться его учениками. Предоставляя им максимально широкие возможности для научного творчества, он тонко и деликатно направлял их действия в нужное русло. Без такого бережного и уважительного отношения многим из них не удалось бы найти своего места в науке. Забота о молодых коллегах и о преемственности в иранистике всегда оставались в центре его внимания.

В последние годы жизни О.Ф. Акимушкин приложил немало усилий к тому, чтобы завершить давно начатую работу над трактатом Кази Ахмада «О каллиграфях и художниках» (XVII в.), собирая рукописи этого сочинения, выясняя их редакции, делая его перевод и аккумулируя из разных источников сведения об упомянутых в нем мастерах. К счастью, он закончил ее незадолго до своей кончины, и есть надежда, что этот труд в скором времени будет издан, став достойным и крупным событием в биографии талантливого ученого и замечательного человека, но уже посмертно.

Перечитывая строки биографии О.Ф. Акимушкина, невольно ловишь себя на мысли о том, что главное условие реализации таланта заключается не только и не столько в благоприятной среде, куда он попадает или которая для него создается, но прежде всего в постоянной жажде, насущной потребности и порой рационально не объяснимой мотивации к творческой работе — в каком-то глубинном интересе к тому, что до него никто еще не делал и мало кто знал. А иначе говорить о нераскрывшемся таланте или потенциальной гениальности, которые не подтверждены никаким творчеством, просто не имеет смысла. Можно вести речь только о реализовавшемся таланте, который оставляет после себя нечто такое, что будет востребовано еще спустя много времени после его ухода из жизни, и именно так переживает самого себя. Научная жизнь и творчество О.Ф. Акимушкина — яркий тому пример.

А.А. Иванов, А.А. Хисматулин